

Ашиток Н. И.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена актуальным проблемам внедрения цифровых технологий в образовательную систему. Отмечено, что эффективность этого процесса в значительной степени определяет темпы и качество цифровизации других сфер жизнедеятельности человека. Дистанционная форма обучения, основанная на этих технологиях, приобретает интенсивное развитие в условиях глобализации и поддерживается на международном и государственном уровнях. Эта форма способна обеспечить образовательные потребности обучающихся в различных ситуациях, в том числе в условиях карантина. В статье рассмотрены тенденции развития дистанционного обучения как ресурса образования; определены его основные особенности, проанализированы преимущества и риски. Автор подчеркивает необходимость дальнейшего фундаментального изучения, глубокого осмысления и критической оценки рисков цифровизации образования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, глобализация, цифровые технологии, изменение роли педагога, цифровая реальность, цифровизация образования, риски цифровизации, морально-этические риски, проблемы развития.

Ashytok N.

DIGITALIZATION OF DISTANCE EDUCATION AS A CHALLENGE OF MODERNITY

Introduction. The article is devoted to the actual problems of introducing of digital technologies into the educational system. The effectiveness of this process in the context of globalization largely determines the pace and quality of digitalization of other spheres of human life. Distance education based on the digital technologies is intensively developing, since it is able to meet the educational needs of students under difficult conditions, including quarantine ones. **The aim** is to investigate distance education in Ukraine. The tasks of the article are to study distance education in the context of its digitalization. Research methods. The paper uses general scientific and special research methods. Among them there are system, addition, induction, deduction, analysis methods. **Research results.** Digitalization of all spheres of modern society life causes both quantitative and qualitative changes of the education system, especially its distance component, which implies new opportunities as well as new risks. The distance education has integrated digital technologies to a much greater extent than full-time education. Thanks to these technologies, distance education has acquired the following features: flexibility (students' ability to attend classes at a convenient time; to learn comfortably in a chosen place and at a convenient pace); modularity (ability to make up a curriculum that meets individual or group needs); parallelism (opportunity to combine professional activity with learning); distance (chance to study despite the distance between a student and a teacher); asynchrony (a student and a teacher could perform the functions of learning and studying not simultaneously); large-scale involvement (the number of distance learning students may be different, as digital technologies are able to provide group and individual forms of interaction); profitability (distance learning does not include rent, heating, lighting of premises for students, etc.); change of the status of the scientific and pedagogical worker (the main functions of the teacher within distance education process are consultative, coordination, etc.); change in the status of a student (a student involved in distance learning is required to have a significant level of primary education, the ability to self-organize); health-preserving (the opportunity to create conditions for self-isolation and learning during quarantine). At the end of the article, the author emphasizes the need for a fundamental study, in-depth understanding and critical assessment of these risks and opportunities. **Discussion.** Most researchers note the positive prospects for the digitization of all aspects of human life, while the risks and negative consequences are less studied. Negative risks can be represented in the possible dehumanization and formalization of education process, deformation of the human personality. The author of the article believes that there is an opportunity of optimal and harmonious interconnection of digital and humanitarian technologies that ensure the moral identity of a person. **Conclusion.** The risks of digitalization of distance education do not reduce its prospects as a resource for further development of the education system. However, there is a need for fundamental study, deep understanding and critical assessment of these risks and opportunities of digitalization of this form of education.

Keywords: distance education, globalization, digital technologies, changing role of the teacher, digital reality, digitalization of education, risks of digitalization, moral and ethical risks, development challenges.

УДК 930.8

В. И. Оноприенко

МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ: ГЕНЕЗИС И ДИСКУРС

Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины
valonopr@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена марксистскому дискурсу феминизма как одному из видов женского движения в мире, который привлёк к себе внимание после студенческой революции в Париже 1986 г. и стал началом эпохи становления «новых левых» во многих странах Европы и США, кардинально изменивших политический ландшафт. Показано, что это протестное движение многих слоёв общества против сложившихся стереотипов жизни и деятельности привело к возникновению новых форм жизни, общежития и даже производства (типа коммун) и породило в разных странах новые политические партии, привлекло внимание крупных философов, социологов, психоаналитиков (Эрих Фромм, Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер). Автором марксистского феминизма является Александра Михайловна Коллонтай (1872-1952) – российская революционерка, советский государственный деятель и дипломат, политический социолог рабочего движения России и Европы, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Норвегии, Мексике, Швеции. Обоснованно, что она запустила процесс становления «новой» женщины, активного участника социалистического переустройства мира. Марксистский феминизм связан с серией ее практических шагов по освобождению женщины в первые годы советской власти.

Ключевые слова: феминизм и его разновидности, гендерные исследования, патриархат, структурные иерархии общества, А.М. Коллонтай.

Введение

Известно, что Александра Коллонтай с детства владела многими европейскими языками (английским, немецким, французским, шведским, норвежским, финским и др.), интересовалась литературой, брала частные уроки рисования. Обладала сильным характером и развитым самосознанием, была введена в великосветское общество. После уста-

новления власти большевиков и левых эсеров избиралась во ВЦИК и 30 октября лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. При наркомате А. Коллонтай создала Отдел по охране материнства и младенчества и Коллегию по охране и обеспечению материнства и младенчества. В марте 1918 года, стоя на позициях

Н. Бухарина и «левых коммунистов», выступила против Брестского мирного договора и в знак протеста вышла из состава правительства. Во время Гражданской войны была направлена на Украину, где возглавила политотдел 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии, а затем наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики и политотдел Крымской армии.

К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили специальных работ по решению проблем женского неравенства. Тематика эмансипации женщин актуализировалась к концу XX века. В 1883 г. опубликована работа А. Бебеля «Женщина и социализм», в которой автор, развивая идеи К. Маркса, видел эмансипацию женщин в освобождении от буржуазной собственности, «рабства в семье» и присоединении к борьбе пролетариата. Но, в отличие от русских марксистов, он соглашался с тем, что существует специфика эксплуатации женщин. Женщина эксплуатируется и как женщина, и как работница, – утверждал А. Бебель. Поэтому признавал наличие общих проблем и интересов у женщин разных классов и находил разумными доводы феминисток. Например, о двойной сексуальной морали как внеэкономической формы угнетения. Бебель придерживался того мнения, что феминистки и работницы могут «мarchingовать отдельно, но сражаться вместе», то есть могут сотрудничать в решении некоторых женских проблем. А. Коллонтай была знакома с А. Бебелем и его книгой. С тех пор мысль А. Бебеля о двойной эксплуатации женщин глубоко у неё укоренилась, в разрез с мнением её однопартийцев.

В среде российской социал-демократии теоретического осмысления проблем женщин как отличной от пролетариата социальной группы не было. В попытках осмыслить женскую проблематику были очень сильны жесткие догматические установки. Российские социалисты обозначили эту проблематику как «женский вопрос», то есть один из множества социальных вопросов, нуждающихся в решении наряду с другими, но ни в коем случае не базовый вопрос. Такой подход был актуальным для русского феминизма. «Женский вопрос» в российской социал-демократии разрабатывали Н. Крупская, И. Арманд, А. Коллонтай.

Методология исследования

Работа характеризуется современным пониманием дискурсивного мышления как сложного коммуникативного явления, сложную систему иерархии знаний, включающую, кроме текста, знания о мире, идеологические установки, учет которых необходим для понимания текста. Дискурсы имеют важные социальные последствия для отдельных стран и народов, локальных и корпоративных социальных групп. Дискурсивные репрезентации, как правило, обогащают понимание и коммуникацию.

Результаты

А. Коллонтай первая обратила внимание на специфические проблемы работниц и вступила в диалог с активно развивающейся в России феминистской мыслью и вынужденно искала ответы на поставленные феминистками вопросы (Юкина, 2014). Вопрос о том, что есть основа социальной иерархии в обществе – классовое или гендерное

неравенство, для нее не стоял. В марксизме главной угнетающей силой определялся капитализм и институт частной собственности, а изменение положения женщины напрямую связывалось с изменением положения рабочего класса и социального строя. В таком ключе написана брошюра Н. Крупской «Женщина-работница» (1901).

Ответ на второй актуальный вопрос для российских феминисток: каким образом можно достичь равенства женщин и мужчин? (или «проблема сходства-различия») – определялся марксистами и А. Коллонтай тоже однозначно – через достижение «сходства». Установка на достижение «сходства» мужчин и женщин воплотилась в политике «социализации быта», в которой Коллонтай приняла деятельное участие как идеолог, политик и практик.

Третьей установкой социал-демократов в отношении «женского вопроса» было отрицание коллективной женской идентичности и практики создания женских организаций. Сепаратизм женских организаций был признан явлением буржуазным и вредным. Пролетаркам предлагалось вести борьбу за женское освобождение в рабочих организациях под руководством пролетариата. Самодетельный и самостоятельный характер женского движения отрицался. А. Коллонтай активно поддерживала эту установку и приложила немало сил для ее реализации.

На этих положениях строилась идеология «женского рабочего движения», но не марксистского феминизма. Движение работниц должно было базироваться на признании женских проблем вторичными, на подчинении интересов работниц как социальной группы интересам пролетариата, на отрицании самостоятельности и самостоятельности женских организаций, на признании над собой партийного руководства и на отрицании феминизма. Идеология, выстроенная на такой базе, не могла стать ресурсом самостоятельного социального движения. Она не способствовала диалогу и поиску теоретического консенсуса между социал-демократками и «равноправками» – так себя называли российские феминистки. Тактикой социал-демократов в отношении феминистского движения стала его дискредитация. Инициатива принадлежала А. Коллонтай. Главное её оружие – тезис о буржуазности движения. Термин «буржуазный феминизм» оказался политически очень успешным в борьбе с российскими равноправками. Этот термин ничего не объяснял и стал политическим ярлыком, который социал-демократы «навесили» на своих конкурентов в борьбе за «женские массы».

После октября 1917 года сложилась принципиально другая структура политических возможностей, – реализация равноправия женщин была декларирована как государственная политика. А. Коллонтай вошла в первое советское правительство в качестве народного комиссара по государственному призрению, но уже как носительница феминистских идей, хотя и отрицала это. В этой новой политической ситуации пригодились многие наработки российских феминисток. Начиная с этого времени, можно говорить о соединении феминистских и марксистских теоретических установок и практик и о появлении в России марксистского феминизма. Лидером его стала А. Коллонтай.

После ухода с поста наркома она сосредоточилась на теоретическом осмыслении «женского вопроса» в условиях победившей социалистической революции (Коллонтай, 1918, 1923). И сделала она это в развитие теории марксизма и феминизма. В работах этого периода она обратилась к нерешенным проблемам русского феминизма: сексуальные, репродуктивные права женщин, освобождение женщины от ига патриархальной семьи – право женщин на развод, на аборт, на рождение ребенка вне брака (без социальных последствий). Она разработала эту группу прав по радикальному варианту, считая, что «в этой области было еще много лицемерия и несправедливости» (Коллонтай, 2003). Ее идеи о равноправном партнерстве в браке, о ценности сексуальных отношений в жизни женщины, о необязательности оформления брака, об освобождении женщин от быта, о делегировании материнских функций государству звучали очень радикально. А. М. Коллонтай сама признавала, что в вопросе новой сексуальной морали она была «самым радикальным крылом партии» и с ее идеями «горячо боролись многие товарищи по партии» (там же).

Суть её проекта женского освобождения состояла в том, чтобы в ситуации революционной ломки буржуазного строя избавиться при непосредственном участии самих женщин одним махом от тех структур, которые поддерживали «половое» неравенство. Направить революционный порыв женских масс на освобождение от патриархальных структур и норм общества – буржуазной семьи, морали, привязанности женщины к мужчине и к семье. Единственной обязанностью женщины было рожать детей и вскармливать их до яслей. Она продолжила реализацию своих идей на посту заведующей женотделом при ЦК РКПб. И оказалась между двух огней плохо совместимых теоретических подходов – марксизма и феминизма – и двух взаимоисключающих практик – советского и партийного строительства и попыток вписать в этот процесс женскую составляющую. С одной стороны, она поддерживала установку своей партии, согласно которой массовое вовлечение женщин в общественное производство обеспечит решение «женского вопроса», и шла по пути «реализации равноправия женщины как единицы народного хозяйства и как гражданки в политической сфере, но с особым условием: материнство как социальная функция» (Успенская, 2003: 26). Она призывала работниц и крестьянок отдать свой труд и употребить свои гражданские права на то, чтобы обеспечить в Советской России полную победу коммунизма. И писала, что силы, здоровье женщин нужно беречь для коллектива, поэтому активно поддерживала политику обобществления быта, которая как направление партийной работы была принята на VIII съезде партии (1919).

А. Коллонтай считала, что препятствием для женщины выступают культурные представления общества. Отсюда следовал её вывод, что культурная революция для женщин не может ограничиться лишь преодолением неграмотности, что она связана со сложным процессом изменений их представлений о самих себе, о своих правах, своих возможностях и своей ответственности. Другими словами, она обогатила теорию культурной революции включением в нее элементов теории сексуальной революции, такими новыми для марксизма понятиями, как «психология

пола», «половая мораль» (Коллонтай, 2003). Она считала, что женщине предстоит проделать большую работу над собой, чтобы получить свои права и для того ей нужно отказаться от «типичных женских качеств», т. е. предлагала измениться по мужскому образцу. А. Коллонтай вернулась к идее «новой женщины», которую она впервые изложила в одноименной статье в 1913 года. Эта женщина была занята не только в общественном производстве, участвовала в политической деятельности, но и по-новому выстраивала свои сексуальные и семейные отношения. «Новая женщина» А. Коллонтай полностью совпадала с «новой женщиной» равноправок. В феминистском варианте «новая женщина» стремилась быть самостоятельной и независимой личностью, жить общечеловеческими интересами, бороться за свои гражданские права, выступала против двойной сексуальной морали и отказывалась играть второстепенную роль в обществе.

В 1920-е годы «новая женщина» А. Коллонтай обогатилась идеей женщины – лидера в социалистическом строительстве. «Коллонтай предлагала революционному государству сделать ставку на женщину как привилегированного партнера при создании новых форм общежития, нового коммунистического уклада» (Айвазова, 1998: 72), к чему лидеры большевистской партии не были готовы. Они были склонны рассматривать женщин как культурно отсталую и обремененную предрассудками массу

Угнетение женщин, подобно расовому угнетению, требует двоякого ответа, а именно – требования как перераспределительной справедливости, так и признания. Это весьма существенная и справедливая критика. Марксистский феминизм, даже в интерпретации Коллонтай, был всегда примитивнее, беднее и догматичнее либерального и радикального феминизма, развиваемых на дифференцированной и разветвленной дискурсивной основе. Конечно, такие рассуждения далеки от аргументации А. Коллонтай: это совсем иная эпоха, и любые сравнения здесь некорректны. Зато они показывают, как далеко продвинулся в рациональных аргументах современный феминизм и расширил свою роль в политике.

Обсуждение

В современном употреблении феминизм неизменно связывают с женским движением и с попыткой изменения социальной роли женщин. Американский историк К. Оффен предлагает определение феминизма «как системы идей и общественного движения за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе» (Offen, 1994: 32). Такое определение позволяет учитывать все многообразие целей и форм деятельности тех, кого мы называем феминистами. В этом случае феминизм предстает как свойственный многим культурам феномен, своеобразие которого в том или ином обществе зависит от национальных традиций, возможности выражать оппозиционное мнение и многих других факторов.

Феминизм не представляет собой монолитной и универсальной теории и, поскольку он имеет различные идеологические проявления и политические

стратегии, точнее было бы говорить о феминизмах, его разных – во времени и пространстве – дискурсах и политиках (либеральный, марксистский, радикальный, постмодернистский, экологический, психоаналитический, антирасистский и т.д. феминизм).

С первым расцветом радикальной феминистской идеи в конце 1960-х и в начале 1970-х годов феминизм получил дальнейшее развитие как бесспорная и авторитетная идеология, идеи и ценности которой бросали вызов самым фундаментальным представлениям традиционной политической мысли. Феминизм преуспел в создании гендерных исследований и гендерных концепций как важных предметов в ряду академических дисциплин и в повышении уровня осознания проблем пола в общественной жизни в целом.

К 1990-м годам феминистские организации существовали во всех западных странах и в большинстве развивающихся стран. При этом два процесса сопровождали эти явления. Первый – процесс дерадикализации, который характеризовался уходом от бескомпромиссных позиций, свойственных феминизму в ранние 1970-е годы. Это привело к популярности идеи «постфеминизма», так как с достижением феминистских целей в целом женское движение выходит за рамки феминизма как такового. Второй процесс – дробление на отдельные составляющие. Вместо того чтобы просто ослабить свой чрезмерно радикальный или критический настрой, феминистское мышление пошло по пути радикальной диверсификации, затрудняя и делая все более невозможным отождествление понятий и общности взглядов в феминизме. В дополнение к основным традиционным феминистским направлениям – либеральный феминизм, социалистический/марксистский феминизм, радикальный феминизм – теперь еще добавились феминизм постмодерна, психоаналитический феминизм, черный (афроамериканский) феминизм, лесбийский феминизм и т. д.

Следует подчеркнуть, что появившаяся идеология феминизма была комплексной идеологией, изначально объединяющей три основные традиции: либеральный феминизм, марксистский, или социалистический феминизм, и радикальный феминизм. Возникло и определенное взаимопонимание достигнутого в феминизме по ряду ключевых вопросов. Самыми важными среди них являются следующие: разделение на общественное/личное; патриархат; пол и гендер; равенство и различия (Королева, 2010: 314).

Традиционные представления относят термин «политическое» к общественной сфере, а не к частной жизни. Политическая жизнь обычно понималась как деятельность, которая имеет отношение к общественной сфере государственных институтов, политических партий, влиятельных групп и публичных дебатов. Семейная жизнь и личные отношения, как правило, воспринимались как частная сфера и, следовательно, были вне политики. Современные феминистки, напротив, настаивают на том, что политика является деятельностью, «которая касается всех социальных групп и не ограничивается только делами государственными и деятельностью общественных организаций» (Barrett, 1987: 43). Политика существует везде, где есть социальный конфликт. Взаимоотношения между государством и гражданами являются, несомненно, политическими, таковыми же являются

отношения между работодателями и работниками компании, а также отношения в семье между мужчинами и женщинами, между родителями и детьми.

Радикальные феминистки являются самыми резкими противниками идеи, что политика заканчивается у двери дома, провозглашая вместо этого, что «личное есть политическое» (Elshtain, 1981: 29). Таким образом, они полагают, что женская дискриминация затрагивает все слои общества и во многих отношениях берёт начало в семье. Поэтому радикальные феминистки заинтересованы в исследовании того, что называют «политика повседневной жизни».

Феминистки полагают, что гендер, как и социальный класс, раса или религия, является одной из главных линий противостояния в обществе. Радикальные же феминистки вообще убеждены, что именно гендерное деление играет ведущую роль в политической жизни. Феминистки были вынуждены предложить новые концепции и теории для выражения идеи о том, что общество основывается на системе полового неравенства и дискриминации. Они используют понятие «патриархат» для описания отношений между мужчинами и женщинами, построенных на власти. Этот термин буквально означает «под руководством отца» и может относиться также к господству мужа – отца семейства и соответственно к подчинению ему его жены и детей. Термин «патриархат» чаще используется в более широком значении – для обозначения просто господства мужчин, как в семье, так и вне семьи. Патриархат представляет собой иерархическое общество, характеризующееся как притеснением по гендерному признаку, так и притеснением возрастного характера.

Понятие «гендер» (gender), параллельное понятию «пол» (sex), было введено в английский язык Энн Оукли: «пол» – это биологический термин, а «гендер» – из области психологии и культуры (Oakley, 1972: 24). Понятие социального пола (gender) концентрирует внимание на социально сконструированных различиях между мужчинами и женщинами. В современной западной социологии этот термин отражает не индивидуальную идентификацию и личностные характеристики, но культурные стереотипы и идеалы маскулинности и феминности, половое разделение труда в социальных институтах и организациях.

Гендер, напротив, – термин, относящийся к культуре, он относится к различным ролям, которые общество приписывает мужчинам и женщинам. Половые различия, как правило, навязываются через сопоставление стереотипов «мужественность» и «женственность». Как отмечала Симона де Бовуар: «Женщины сделаны, а не рождены» (Bea-uvoir, 1974: 3). Патриархатные идеи затемняют различие между полом и гендером и полагают, что все социальные различия между мужчинами и женщинами основываются на биологии и анатомии. Феминистки, напротив, обычно отрицают, что существует обязательная или логическая связь между полом и гендером, и подчеркивают, что различия полов являются социально или даже политически придуманными.

Общепризнанным в научной литературе является наличие двух политических стратегий, двух способов идентификации, двух типов теоретического дискурса: феминизма равенства и феминизма различия. Феминизм равенства пытается реализовать

такой проект социального устройства, в котором обеспечивалось бы полное равенство политических, экономических и социальных прав женщин и мужчин и, по существу, было бы преодолено экономическое разделение труда между полами. Достижение гендерного равенства, хотя и предполагает определённые реформы, в целом не затрагивает основ существующего социального порядка и обеспечивающего его устойчивость дискурсивного механизма производства знания. Феминизм различия основывается на идее «инаковости», принципиальной несводимости женской субъективности к универсальному субъекту права, политики, экономики, философии, науки. Поэтому феминизм различия не связывает свои надежды ни с развитием женских исследований в рамках традиционной научной парадигмы, ни даже с созданием альтернативной женской теории.

Многие феминистки понимают движение за равноправие как стремление к развитию и реализации потенциальных возможностей женщин. Интеллектуальное пространство феминизма и гендерных исследований постоянно расширяется и проблемно уплотняется. Можно это показать на примере актуальной в человеческом мире темы заботы (12 лекций по гендерной социологии, 2015). В практиках повседневной заботы и ухода в самых разных институциональных контекстах непропорционально больше заняты женщины фактически во всех обществах. Окончание «холодной войны» и переоценка традиционных теорий международных отношений в 1990-е гг. открыли пространство для гендерного анализа международных отношений. Появилась потребность смотреть на них с «феминистским сознанием». Феминистское сознание, вооруженное гендерной линзой, позволяет обсуждать международную политику с более глубокой оценкой и пониманием вопросов, касающихся гендера во всем мире.

Сформировалась традиция феминистского анти-милитаризма, выступающая против оружия массового уничтожения в военных, политических или сдерживающих целях, но при этом она отличается от пацифизма тем, что не отвергает все формы войны. Либеральный феминизм имеет дело конкретно с формированием политики и требует, чтобы женщины, а также взгляды на реалии жизни, как женщин, так и мужчин, были справедливо включены и представлены в процессе разработки политики. Феминизм различий фокусируется на расширении прав и возможностей женщин, в частности, посредством конкретных разработок, реализации и оценки политики, учитывающей материальные и культурные различия между мужчинами и женщинами и их значение (Zhigaleva, 2017).

Феминисты обращают внимание, что те группы населения, которые обычно рассматриваются государствами как защищаемые, на самом деле являются наиболее уязвимыми в ходе военных действий, причём за последние столетие их доля среди общего числа военных потерь выросла с 10% до 90%. Женщины признаются как своего рода «границы нации», поскольку они не только биологически воспроизводят новое поколение, но и являются носителями культуры и традиции, отвечая за воспитание детей. Представляя собой репродуктивный ресурс государства, женщина становится объектом

его особой защиты. Далеко не все ареалы международной политики освоены феминизмом, но даже некоторые примеры демонстрируют углубление аргументации и расширение поля исследований.

Выводы

Александра Михайловна Коллонтай сама задала траекторию своей жизни и прожила её ярко и продуктивно. Откровенная эмансипированность и феминистская самостоятельность составляли внутреннюю пружину её натуры. Ей выпала небывалая эпоха: две мировых войны, череда русских революций, жесточайшая гражданская война, голод, разруха, смерть на каждом шагу. Она приняла её как собственную судьбу. Недолгая деятельность А. Коллонтай на посту наркома вылилась в проведение политики государственного феминизма: вопросы в отношении женщин ставились как приоритетные и государственные задачи. Политика государства первых лет советской власти была направлена на отказ от регулирования семейных отношений и контроля над женщиной. Многие нововведения в правах женщин устанавливались при самом непосредственном участии наркома А. Коллонтай.

Феминистские идеи А. Коллонтай нашли отражение в современную эпоху. В частности философ Франкфуртской школы, идеолог «новых левых» Герберт Маркузе в лекции «Марксизм и феминизм» в Стэнфордском университете 7 марта 1974 г. говорил о феминизме высокие слова: «Феминизм – это бунт против разлагающегося капитализма, против отживающего капиталистического способа производства. Феминизм – это шаткая связь между Утопией и реальностью: социальная почва движения как потенциально радикальной и революционной силы; сердцевина мечты... Феминистское движение в этой борьбе играет всё более важную роль». Я полагаю, что эти слова оживили бы память А. Коллонтай и вошли в её душу. В истории мысли, как и в природе, всё быстро стареет, увядает, как листья, становится идейным перегноем, и нужны специальные усилия, чтобы разглядеть структуру этого перегноя. Марксистский феминизм, существенно трансформировавшись, вошёл в современный фундамент гуманитаристики.

Список литературы

1. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
2. Barrett M. Marxist Feminism and the Work of Karl Marx / A. Phillips (ed.). 1987. – P. 43.
3. Beauvoir S. de. *Alf Said and Done*. London: Andre Deutsch and Weidenfeld and Nicolson, 1974. – P. 3.
4. Elstain J. *Public Man, Private Woman*. Oxford: Martin Robertson, 1981. – P. 29.
5. Oakley A. *Sex, Gender and Society*. London: Maurice Temple Smith, 1972. – P. 24.
6. Offen K. *Feminism* // Encyclopedia of Social History / Ed. by Peter N. Stears. – NY., 1994. – P. 32.
7. Zhigaleva Y. E. *Sexual violence in conflict settings: problem of women's victimization* // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 4. – P. 32-44.
8. Айвазова С. Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории)*. – М.: РИК Русанова, 1998. – 408 с.
9. Коллонтай А. М. *Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки* // *Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай*. – Тверь, 2003. – 298 с.

10. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники: 1922-1940 гг. – М.: Academia, 2001. – Т. 1. – 528 с. Т. 2. – 543 с.
11. Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. – М.: 1918.; Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. – 1923. – № 3. – С.111-124; Положение женщины в эволюции хозяйства: Лекции, читанные в Ун-те им. Я.М. Свердлова. – М., ГИЗ, 1923. – 208 с.
12. Королева Т. А. Феминизм как идейно-политический феномен // Изв. РГПИ им. А.И. Герцена. Социология. Политология. – 2010. – С. 312-319.
13. Успенская В. И. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. – Тверь, 2003. – С. 26.
14. Хартманн Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свободные. Гендерная серия. – 2016. – 76 с.
15. Юкина И.И. На пути к марксистскому феминизму. Деятельность Александры Коллонтай // Социология науки и технологий. – 2014. – Т 5. – № 2. – С. 82-92.

References

1. Ayvazova, S. (1998). *Russkie znenshchiny v labirinte ravnopraviia (Ocherki politicheskoy teorii i istorii)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history)]. Moscow: PIK Rusanova [in Russian].
2. Barrett, M. (1987). *Marxist Feminism and the Work of Karl Marx*. A. Phillips (Ed.). Blackwell (Oxford).
3. Beauvoir, S.de. (1974). *Alt Said and Done*. London: Andre Deutsch and Weidenfeld and Nicolson.
4. Elshain, J. (1981). *Public Man, Private Woman*. Oxford: Martin Robertson.
5. Iukina, I. (2014). *Na puti k marksistskomu feminizmu. Deiatel'nost Aleksandry Kollontay* [Towards Marxist Feminism. Activities of Alexandra Kollontai]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii, Sociology of Science and Technology*, 2(5), 82-92 [in Russian].
6. Khartmann, Kh. (2016). *Neschastlivyy brak marksizma s feminizmom: put k bolee progressivnomu soiyuzu* [The unhappy

marriage of Marxism to feminism: the road to a more progressive union]. Moscow: Svobmarksizd [in Russian].

7. Kollontay, A. (1918). *Semia i kommunisticheskoe gosudarstvo* [Family and the communist state]. Moscow; Pg.: Kommunist [in Russian]. Kollontay, A.M. (1923). *Dorogu krylatomu Erosu! (Pismo k trudiashcheyia molodezhi)* [Make way for winged Eros! (Letter to the working youth)]. *Molodaia gvardiia, Young guard*, 3, 111-124 [in Russian]. Kollontay, A.M. (1922). *Polozhenie znenshchiny v evoliutsii khoziaystva* [The position of women in the evolution of the economy]. Moscow: GIZ [in Russian].
8. Kollontay, A. (2001). *Diplomatische dnevniky: 1922-1940 gg.* [Diplomatic Diaries: 1922-1940]. (Vols. 1-2). Moscow: Academia [in Russian].
9. Kollontay, A. (2003). *Avtobiografiia seksualno emansipirovannoy kommunistki* [Autobiography of a Sexually Emancipated Communist]. *Marksistskiy feminizm: Kolleksiia tekstov Aleksandry Kollontay, Marxist Feminism: A Collection of Texts by Alexandra Kollontai*. Tver [in Russian].
10. Koroleva, T. (2010). *Feminizm kak ideyno-politicheskiy fenomen* [Feminism as an ideological and political phenomenon]. *Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Bulletin of the Herzen Russian State Pedagogical University*, 312-319 [in Russian].
11. Oakley, A. (1972). *Sex, Gender and Society*. London: Maurice Temple Smith.
12. Offen, K. (1994). *Feminism*. *Encyclopedia of Social History*. P.N. Stears (Ed.). NY.
13. Uspenskaia, V. (2003). *Radikalnyy proekt znenskoj emansipatsii Aleksandry Kollontay* [Alexandra Kollontai's radical project of women's emancipation]. *Aleksandra Kollontay: teoriia znenskoj emansipatsii v kontekste rossiyskoy gendernoy politiki, Alexandra Kollontai: Theory of Women's Emancipation in the Context of Russian Gender Policy*, 26. Tver [in Russian].
14. Zdravomyslova, E., & Temkina, A. (2015). *12 Lektsiy po gendernoy sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]. SPb.: Evrop. un-t v SPb. [in Russian].
15. Zhigaleva, Y. (2017). *Sexual violence in conflict settings: problem of women's victimization*. *Yuvenis scientia*, 4, 32-44.

Онопрієнко В.І.

МАРКСИСТСЬКИЙ ФЕМІНІЗМ: ГЕНЕЗА ТА ДИСКУРС

Стаття присвячена марксистського дискурсу фемінізму як одному з видів жіночого руху в світі, який привернув до себе увагу після студентської революції в Парижі 1986 року і став початком епохи становлення «нових лівих» у багатьох країнах Європи і США, що кардинально змінили політичний ландшафт. Протестний рух багатьох шарів суспільства проти усталених стереотипів життя і діяльності призвело до виникнення нових форм життя та виробництва (типу комун) і породило в різних країнах нові політичні партії, привернуло увагу філософів, соціологів, психоаналітиків (Еріх Фромм, Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер). Обґрунтовано, що О. Коллонтай запустила процес становлення «нової» жінки, активного учасника соціалістичної перебудови світу. Досліджено марксистський феномен, пов'язаний із серією практичних кроків по звільненню жінки в перші роки радянської влади.

Ключові слова: фемінізм і його різновиди, гендерні дослідження, патріархат, структурні ієрархії суспільства.

Onopriyenko V.

MARXIST FEMINISM: GENESIS AND DISCOURSE

Introduction. It is known that Alexandra Kollontai since childhood has spoken many European languages (English, German, French, Swedish, Norwegian, Finnish, and others), been interested in literature, learnt drawing through private lessons. After establishing of the Bolsheviks and Left Social Revolutionaries power, Alexandra Kollontai was elected to the All-Russian Central Executive Committee and received the post of People's Commissar of Public Charity in the first list of the Council of People's Commissars. **The aim and the tasks** of the article are to determine the place and evolution of Marxist feminism in the discourse of the XX - the beginning of the XXI centuries, which progressively developed together with the female movement in the world. **Research methods.** The work is characterized by modern understanding of discursive thinking as a complex communicative phenomenon, a complex system of knowledge hierarchy, including, in addition to the text, knowledge about the world, ideological attitudes, the consideration of which is necessary for understanding the text. Discourses have important social consequences for individual countries and peoples, local and corporate social groups. Discursive representations tend to enrich understanding and communication. **Research results.** The protest movement of many strata of society against the established stereotypes of life and activity led to the emergence of new forms of life, hostels and even production (type of commune) and gave rise to new political parties in different countries, attracted the attention of major philosophers, sociologists, psychoanalysts (Erich Fromm, Herbert Marcuse, Theodore Adorno, Max Horkhaymer). The contribution of A.M. Kollontai in Marxist feminism is associated with the series of the practical steps to liberate a woman in the first years of Soviet power. She launched the process of becoming a "new" woman, an active participant in the socialist reorganization of the world. At the same time, the methodology and argumentation of feminism was differentiated and rationalized, and gender studies were progressed. Sources on the history and modern state of feminism and gender studies in the world are used. **Discussion.** Feminism is not a monolithic and universal theory, it has different ideological manifestations and political strategies, so it would be more accurate to talk about feminisms, its different - in time and space - discourses and politicians (liberal, Marxist, radical, postmodern, ecological, psychoanalytic, anti-racist, etc.). **Conclusion.** The short activity of A. Kollontai as People's Commissar resulted in the pursuit of a policy of state feminism: issues regarding women were posed as priority and state tasks. The policy of the state in the first years of Soviet power was aimed at abandoning the regulation of family relations and control over women. Marxist feminism, having significantly transformed, entered the modern foundation of humanities.

Keywords: feminism and its varieties, gender studies, patriarchy, structural hierarchies of society.